

Міністерство освіти України

ISSN 0453-8048

ISSN 0320-8281

Вісник
Харківського державного університету
№ 396
Засновано в 1964 р.

ІСТОРІЯ

Випуск 29

Харків 1997

Именно при императоре Льве VI отчетливо обозначились характерные абсолютистские тенденции в государстве. В полной мере это проявилось и в отношении к церкви, в стремлении императора сделать светскую власть доминирующей над духовной, а власть императора превалирующей над властью патриарха.

Литература

1. Сокольский В. О характере и значении Эпанагоги // Византийский временник. — 1894. — № 1.
2. Попов Н. Император Лев VI Мудрый и его царствование. — М., 1892.
3. Les nouvelles de Leon Le Sage / Par. P. Noailles et A. Dain. — Paris, 1944.
4. Медведев И. П. Развитие правовой науки / Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. — М., 1989.
5. Corpus juris civilis. Vol. III. Novellae. — Berolini, 1859.
6. Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. — Л., 1981.
7. Чекалова А. А. Константинополь в VI в. — М., 1986.
8. Гретц Г. История евреев. Т. 5. — СПб., 1883.
9. Диль Ш. Византийские портреты. — М., 1994.

В. С. Аксенов

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЗАХОРОНЕНИЙ С КОНЕМ НЕТАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В начале 80-х годов С. А. Плетнева обозначила на юге Восточной Европы несколько районов распространения болгарских объединений, орд или племенных союзов, со свойственными только им специфическими чертами погребального обряда, характерного для салтовской археологической культуры. Одной из особенностей этого обряда для лесостепи является наличие на могильниках захоронений коней вместе с погребенным [1, с. 11]. Раскопки последующих лет предоставили новые, подтверждающие это предположение, материалы [2, с. 49; 3, с. 11]. В результате исследований Нетайловского грунтового могильника на Харьковщине в 1991–1993 гг. было обнаружено 7 погребений с захоронениями коней или конской сбруи¹. Таким образом,

¹ Автор статьи выражает благодарность А. В. Крыганову за предоставленные результаты раскопок и разрешение их публиковать.

общее число таких захоронений, с учетом открытых Д. Т. Березовцом в 1960–1961 гг., возросло до 24. Привлечение нового материала позволяет уточнить классификацию погребений рассматриваемой группы, предложенную ранее О. В. Иченской [4, с. 89]. Материал последних лет подтвердил наличие на могильнике обряда обезвреживания покойников, нашедшего выражение в преднамеренном нарушении анатомического порядка костей погребенного. Наличие же могил с полным отсутствием человеческих костей, но с погребальным инвентарем может быть объяснено, как нам кажется, разлагающим действием почвенных вод, поднявшихся на могильнике в результате создания Печенежского водохранилища.

Наличие на могильнике обряда обезвреживания покойников, который сопровождался изъятием из могил части или всего погребального инвентаря, как это имело место при аналогичном обряде на расположенном рядом Верхнесалтовском катакомбном могильнике, вносит существенные коррективы в наше исследование. По этому же обряду происходило разрушение и удаление останков коня при погребенном.

Особенностью погребений № 127, 132, 144, 171 являются ниши-подбой, зафиксированные в торцовых стенках могильных ям (рис. 1). В нишах-подбоях, не известных ранее на могильнике, находились предметы конской сбруи (удила, стремяна, сбруйные пряжки, ремни оголовья) — погр. № 132, 144 или части коня (череп и кости ног), вместе с удилами, стремянами, пряжками — погр. № 171. В погр. № 127 в нише-подбое располагался целый костяк коня со снаряжением (удила, стремяна, сбруйные пряжки, чумбурный блок). В остальных случаях (погр. № 159, 166, 180) отдельные кости лошади, предметы конского снаряжения находились на дне могильной ямы среди другого погребального инвентаря. Из описанных погребений только в погр. № 144 присутствовали кости человеческого скелета. Погр. № 127 с костями коня в нише-подбое однотипно с погр. № 23, 53, обнаруженными Д. Т. Березовцом. Только ниша-подбой в этих погребениях заменена специально вырытой для захоронения коня ямой. Таким образом, мы можем констатировать, что на могильнике обряд захоронения с конем представлен довольно своеобразными группами погребений.

Учитывая все вышесказанное, мы можем констатировать наличие в погребениях с конем или конской сбруей двух погребальных традиций. Для первой характерно размещение конского снаряжения на дне могильной ямы рядом с погребенным, а коня или его частей (черепа, костей ног) — в засыпке могильной ямы непосредственно над погреб-

бенным (как в погр. № 2) [4, с. 90]. Вторая традиция характеризуется размещением конского снаряжения, части или целого коня в нишах-подбоях, вырытых в одной из торцовых стенок могильной ямы. А также захоронениями коня в специальных ямах, сделанных у торцовых стенок могил людей так, что их длинные оси оказываются перпендикулярными друг другу (погр. № 23, 53).

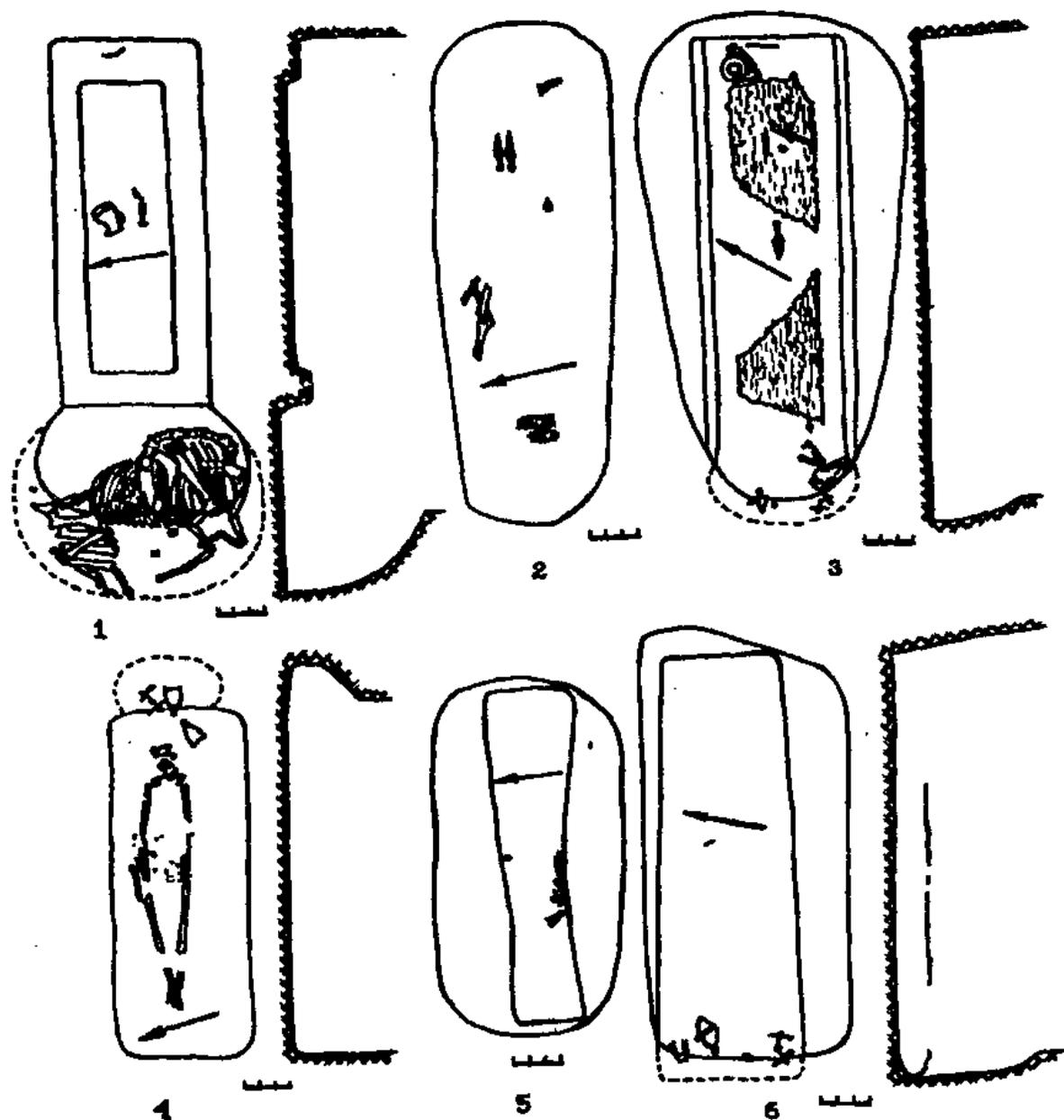

Рис. 1

1 — погр. № 127
2 — погр. № 159
3 — погр. № 171

4 — погр. № 144
5 — погр. № 180
6 — погр. № 132

Обнаружение отдельных захоронений коней трудно отнести к какой-либо из вышеперечисленных традиций. Такие погребения коней, которые принято считать кенотафами, были обнаружены как на болгарских грунтовых могильниках — Крымском, Старокорсунском, Красногоровском [5, с. 95-97; 6, с. 188; 7, с. 83], так и катакомбных могильниках алан — Верхнесалтовском, Старосалтовском и других [8; 9]. По нашему мнению, одиночные захоронения коней можно относить к кенотафам лишь при наличии в погребениях полного конского снаряжения или же вещей из разряда погребального инвентаря, который мог принадлежать умершему. В тех же случаях когда в захоронении коня отсутствует какой-либо погребальный инвентарь, следует говорить о так называемой выкупной жертве за участок могильника, которая осуществлялась семьей или частью родственников. Данный обряд довольно хорошо известен по этнографическим данным [10, с. 58-59].

Захоронения с конем по первой погребальной традиции находят аналогии в I группе кочевнических погребений VI–VIII вв., выделенных Р. С. Орловым [11, с. 103] и характеризующихся, как и погребения Нетайловского могильника, В и СВ ориентировкой погребенных, наличием в изголовье сосуда и отсутствием жертвенной пищи в виде костей животных. Подобные погребения исследователи приписывают болгарам. На схожесть Нетайловского могильника с ямными болгарскими могильниками Подонья, Волжской и Дунайской Болгарии указывала еще О. В. Иченская [4, с. 93]. Данная погребальная традиция, как указывают некоторые недавние находки в пределах лесостепного Левобережья, уходит корнями в предсалтовское время и может быть связана с первой волной проникновения болгарских племен в лесостепную зону во II половине VII – VIII вв.

Вторая погребальная традиция находит частичные аналогии в погребениях с конем Танкеевского могильника и подобных ему могильников салтовского времени Южного Урала и Среднего Поволжья [12, с. 71]. Их сближает наличие специальных ниш-подбоев, в которые помещались предметы конского снаряжения или часть скелета лошади. В недавнее время подобные погребения с нишами-подбоями в торцевой стенке были обнаружены и на болгарских могильниках Среднедонечья — могильники у с. Желтое и Зливки [13, с. 115; 14, с. 71]. Исследователи приписывают такие погребения смешанному тюрко-угорскому населению, что вполне соответствует этнополитической ситуации в степях юга Восточной Европы в предсалтовское и салтовское время [15, с.]. Интересно то, что погребения

с конем Нетайловского могильника № 23, 53, 127 находят некоторые аналогии в венгерских погребениях V группы времени обретения венграми родины, выделенных Ч. Балинтом [16, с. 181]. Их сближает расположение конских останков в могилах, разнит же состав этих останков. В венгерских погребениях в могилу помещалась расстеленная в ногах погребенного конская шкура (череп и кости ног), тогда как в Нетайловских погребениях — целый костяк коня.

Наличие на могильнике двух погребальных традиций ставит перед нами вопрос о взаимодействии их носителей. Умозрительно мы можем предположить, что если описанные выше погребальные традиции принадлежали этнически однородному населению, то либо эти традиции разновременные, либо они принадлежали представителям разных социальных групп населения. Учитывая то большое значение, какое играл конь в жизни кочевого, полукочевого и полуседлого населения, можно утверждать, что помещение в могилу целого коня, его черепа и костей ног, конского снаряжения могли позволить себе только довольно зажиточные люди. Ибо их богатство исчислялось прямо пропорционально количеству лошадей, которых они имели [17, с. 47]. Поэтому захоронения с конем или конской сбруей могли принадлежать только социальной верхушке общества. На это указывает уже то, что единственный серебряный дирхем, обнаруженный при работах в 1960–1961 гг. на могильнике, происходил из погребения с конским снаряжением (погр. № 60). Но социальная верхушка общества была неоднородна. Эта неоднородность нашла свое отражение в составе конских останков и инвентаре (целый конь — часть коня — конская сбруя).

Разновременность исследуемых погребальных традиций отрицается обнаруженным погребальным инвентарем, который из-за неразработанности относительной хронологии салтовских древностей датируется довольно широко — VIII–IX вв. [18, с. 86]. Поэтому, пока исследование могильника не завершено, невозможно говорить о соотношении в планеграфическом отношении погребений с разными погребальными традициями. А это имеет решающее значение в определении одновременности или разновременности существования исследуемых погребальных традиций. Следовательно, мы можем предположить, что могильник оставлен смешанным тюрко-угорским населением. Окончательное решение этого вопроса связано с уточнением датировки погребений могильника, которая после ряда находок, в том числе и нумизматических, нуждается в корректировке. Всего на могильнике, учитывая дирхем из погр. № 60, известно 10 монет: 9 дирхемов и 1 золотой византийский солид [19,

с. 55; 20, с. 84)¹. 7 дирхемов были отчеканены в конце VII — I половине VIII вв. и только 2 — во II половине VIII вв. Золотой византийский солид Константина V Копронима (отчеканен в 751–757 гг.) является редкой находкой для лесостепных памятников салтовской культуры. Тем интересней выглядит гипотеза А. И. Семенова о «короткой» хронологии и малом запаздывании византийских солидов VII–VIII вв. Появление этих монет на лесостепных салтовских памятниках (Снежное, Нетайловка) он связывает с изменением политической ситуации в степи во II половине VIII в. [21, с. 95]. Видимо, этим временем и можно датировать часть погребений Нетайловского могильника. Хронологические рамки существования всего могильника будут уточнены в ходе дальнейшего его изучения. В целом же особенности погребального обряда, датировка погребений позволяют отождествить население, оставившее данный могильник, с утригурами.

Литература

1. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. — София, 1981.
2. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтовско-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990.
3. Крыганов А. В., Чернигова Н. В. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры // Вестн. ХГУ. — 1993. — № 374. — Сер. История. — Вып. 27.
4. Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. — Киев, 1981.
5. Савченко Е. Н. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. — М., 1986.
6. Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // СА. — 1987. — № 4.
7. Аксенов В. С. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам могильника у с. Красная Горка) // История и археология Слободской Украины. — Харьков, 1992.
8. Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1986 г. // Архив ХИМ. — Харьков, 1987.
9. Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Старосалтовского катакомбного могильника в 1982 г. // Архив ХИМ. — Харьков, 1983.
10. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. — Новосибирск, 1987.

¹ Еще один золотой византийский солид Константина V Копронима был обнаружен на могильнике в 1994 г.

11. Орлов Р. С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. — Киев, 1985.
12. Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.
13. Швецов М. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. Вип. 2. — София, 1991.
14. Красильников К. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. Вип. 2. — София, 1991.
15. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.
16. Балинд Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.
17. Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. — М.; Л., 1949.
18. Пархоменко О. В. Поховальный инвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. — 1983. — № 43.
19. Крыганов А. В. Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескорядьковского могильников салтовской культуры // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. — Луцьк, 1993.
20. Крыганов А. В. Нетайловский могильник // Археологічні дослідження на Україні 1992 року. — Киев, 1993.
21. Семенов А. И. О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. — Краснодар, 1993.

М. В. Любичев

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ СЛАВЯН ДНЕПРО-ДОНЕЦКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э.

На протяжении конца IV – VII вв. в лесостепи Днепро-Донецкого междуречья существовали памятники пеньковской культуры, только лишь по течением Днепра, Орсли и Северского Донца они заходили в глубь степи. Большинство специалистов носители пеньковской культуры отождествляются со славянами и более конкретно — с племенами антов [1, с. 206-207]. Хронология этих памятников совпадает со временем упоминания антов в письменных источниках